

М.В. Скачедубова

ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, Москва

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Плюсквамперфектом называют аналитическое прошедшее время, состоящее из глагола-связки в прошедшем времени и действительного причастия прошедшего времени на *-л-*. Различают так называемый «книжный» плюсквамперфект, где глагол *быти* стоит в имперфекте или аористе от имперфективной основы (ср. 3 л. **вѣше(тъ)/бѣ шельъ**), и «русский», в котором глагол *быти* стоит в перфекте, т.е. в образовании формы в таком случае участвует два вспомогательных глагола (**есмь былъ шельъ**). Как убедительно показано в М.Н. Шевелева, значение последнего сопоставимо с «книжным»: «старый плюсквамперфект — это форма прежде всего нарратива, новый — прежде всего прямой речи» [15: 245]. Вопросам значения и формы плюсквамперфекта в последние десятилетия уделялось много внимания, тем не менее, не на все из них даны ответы. Богатый материал для анализа дают летописные памятники. Хотя отдельные части Ипатьевской летописи, представляющей собой список с южнорусского летописного свода, составленного в 14, и датируемой 1-ой четвертью 15-го [12: вып. I, 238], уже исследовались на предмет плюсквамперфекта [15; 16; 17; 6], остается неохваченный материал, а также аспекты, о которых ранее не говорилось и которые требуют обсуждения.

1. Значение

Плюсквамперфект традиционно характеризуется как относительное, обозначающее «предпрошедшее» время [1: 304]. Многими выделяется дополнительное значение данного времени. Так, в [3: 213], например, отмечается, что исконный славянский плюсквамперфект «также является перфектом, но отнесенным к прошедшему времени». Как пишет М.Н. Шевелева, славянский плюсквамперфект никогда не выражал таксисного значения чистого предшествования в прошедшем, он всегда имел аспектуальное значение перфектности в прошедшем [15: 216].

Однако было бы неправильно отдавать предпочтение первому или второму мнению. Как показывает материал, плюсквамперфект может иметь как значение предпрошедшего, так и значение смещенной перфектности. Кроме того, реже, чем перфектное значение, плюсквамперфект имеет значение достигнутого или аннулированного результата.

Приведем как примеры из Повести временных лет (ПВЛ), которая ранее с точки зрения функционирования плюсквамперфекта не анализировалась, так

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

и неприводимые ранее примеры из других, исследованных частей летописи (КЛ — Киевская летопись, ГЛ — Галицкая летопись, ВЛ — Волынская летопись). Текст воспроизводится по изданию [ПСРЛ, т. 2], разночтения в издании приводятся по Хлебниковскому списку XVI в. и Погодинскому списку XVII в.

1.1. Значение предшествования в прошедшем

(1) ПВЛ Л. 8 **Но мы на пре(д̄)лежащее възъвратимса. и скажемъ что са оудѣвало в лѣта сии. такоже преже почали бахомъ;**

(2) КЛ Л. 161 **и поиде Изяславъ ѿ Володимера с полки своими по королевн. дорозѣ. юже вашетъ приѣхалъ. на Андрѣя на Володимирича съ Ёрославомъ Стѣполчичемъ;**

1.2. Значение перфекта в прошедшем

(3) КЛ Л. 127 об. **В то же время Изяславъ посла Киевоу. къ братоу своему Володимероу. того бо вашетъ вставилъ Изяславъ в Киевѣ и къ митрополитоу Климови;**

(4) ГЛ Л. 262 **лѣтоу же наставшоу. собравъшася. идоста на Галичь. на Мнхана и Ростислава. затворила бо са бѣваста во градѣ. и Оугорѣ. множество. ввашетъ оу него. и возвративъшиса воеваста школо Звенигоро(д̄);**

1.3. Значение антитезиса

(5) ПВЛ Л. 30 **и оу Ёрополка жена Грѣкин(и) бѣ. и ваше была черницею. юже бѣ привелъ штець его Стѣславъ. и въда ю за Ёрополка. красы дѣла лица ея — жена Ярополка раньше была монахиней, однако этот факт позднее аннулируется, т.к. она была отдана Ярополку в жены.**

(6) ПВЛ Л. 88 **Влегъ же вывѣже из Рязаня. а Мстислав створи миръ с Рязаньци. и поа люди своя таже бѣ заточилъ Влегъ — Мстислав освободил своих людей, которых захватил Олег. Т.е. плюсквамперфектом **бѣ заточилъ** обозначается отмененное действие, а отменяющим действием, «точкой отсчета» является аорист **поа**.**

Подробнее хотелось бы остановиться на другой группе примеров, в которой сочетание бытийного глагола с -л- причастием не имеет плюсквамперфектного значения. Условно назовем его «бѣ + -л- причастие».

1.4. бѣ + -л- причастие

У обоих основных значений, предполагаемых для плюсквамперфекта («предшествование в прошедшем» и «результативность в прошедшем») есть

общий семантический компонент, а именно — «предшествование в прошедшем» (к которому уже факультативно может добавляться значение результативности), компонент, который во многом и определяет плюсквамперфектную семантику. Между тем, в Ипатьевской летописи был обнаружен ряд контекстов, в которых сочетание глагола *быти* в прошедшем времени и *-л-* причастия такого компонента не имеет. Рассмотрим примеры:

(7) КЛ Л. 223 и то рекъ. переверде Донѣць и тако приида. ко Усколоу. и жда два дни. брата своего Всеволода тотъ бл-шелъ инемь поутѣ(м̄). ис Коурьска — действие, выраженное аористом, и действие, выраженное плюсквамперфектом, одновременны: Игорь ждал два дня, пока Всеволод ехал другим путем. Таким образом, говорить о предшествовании основному моменту повествования мы здесь не можем. Видеть выделительную функцию плюсквамперфекта (см., например, [2: 185]) вряд ли возможно, скорее наоборот, плюсквамперфектом выражено побочное действие, которое поясняет главное — жда.

(8) Л. 262 а Кондратъ повѣже до Лхувъ чересъ ночь. и потопилиса блшеть. ѿ вон его во Вепрю множество — действие, формально выраженное плюсквамперфектом, следует после аориста *повѣже*, поэтому говорить о предшествовании мы здесь не можем (далее следует начало нового сюжета).

(9) КЛ Л. 218 об. Половци же видивше ѿ. загоныцѣ ты Черныхъ Кловоукъ. и таша нѣколко ихъ. не бѣ во тоу добрыхъ. но мало ихъ. вогнали блхуцѣ в тоvary ихъ. и повѣгоша. — перед нами последовательность событий: Половцы захватили, Черные Клобуки были расстроены, побежали в полк. Мы не можем говорить о том, что плюсквамперфектом выражено предпрошедшее.

(10) КЛ Л. 170 об. Изаславъ же ре(ч̄) и ныны вы есмь свторилъ. уже есте на ма. пришли. а како ми с вами Бъ дастъ. блшеть во пославъ [Х.П. послалъ] и подвелъ Глѣба Дюргви(ч̄) с Половци — здесь причастие на *-вши-* и *-л-* форма выступают как однородные члены. Несмотря на то, что в Хлебниковском и Погодинском списках мы видим *-л-* форму, сама возможность такого соседства двух причастных образований очень показательна.

Здесь кажется уместным обратиться к проблеме интерпретаций контекстов типа:

(11) КЛ. 200 **В** то же время. преставилъса блшеть. братъ емѹ мѣньшини миръ въ Берестѣи.

Д.В. Сичинава называет эту функцию плюсквамперфекта «сдвигом начальной точки» [11]. Той же интерпретации придерживается и П.В. Петрухин, который отмечает, что «летописец использует плюсквамперфект в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переключить

внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [6: 231]. М.Н. Шевелева, в свою очередь, говорит о том, что впечатление о функции «сдвига начальной точки» оказывается мнимым, т.к. в действительности в таких контекстах есть регресс по отношению к предшествующему повествованию [15: 235]. Однако, как представляется, даже если предшествование и есть (хотя оно прослеживается далеко не всегда), оно не выступает на первый план; очевидно, что в намерения летописца не входит подчеркивать связь следующего события с предыдущим, задача его — отметить начало следующего рассказа.

Вполне возможно, что перед нами не плюсквамперфект в том смысле, как его принято понимать, а сочетание бытийного глагола с причастием прошедшего времени. В.Н. Топоров высказывал мысль о том, что в отношении старославянского вряд ли правомерно говорить о перфекте (а, следовательно, и плюсквамперфекте) как сформировавшейся морфологической форме: каждая часть являлась автономной и сохраняла свое значение [13: 40–41]. Как пишет М.Н. Шевелева, перфект, скорее всего, «так и оставался образованием, находящимся где-то на границе морфологии и синтаксиса» [14: 204]. Поэтому, видимо, и закономерно, появление таких примеров, где формально перед нами плюсквамперфект, однако в реальности плюсквамперфектное значение не усматривается.

Тем более, многочисленны такие контексты, в которых *-л-* формы употребляются без вспомогательного глагола, ср.:

(12) ПВЛ Л. 42 **въ се время разболѣса Володимиръ. шчима. и не видаше ничтоже. и тоужаше велии** — перфектная семантика в данных контекстах не усматривается. Тем более, много примеров приходится на очень древнюю часть (ПВЛ), поэтому говорить о том, что перфект выступает в значении нейтрального прошедшего, кажется неверным. Если предположить, что *-л-* форма здесь употреблена именно в качестве «обычного» причастия прошедшего времени, то никакого отклонения от стандартного древнерусского синтаксиса не будет.

На мысль о функционировании *-л-* формы в значении причастия прошедшего времени на *-ши/-вши-* наталкивает следующее.

В ходе анализа форм перфекта в Ипатьевской летописи (ИЛ) был обнаружен ряд контекстов, в которых *-л-* форма не имеет перфектного значения. Часть обнаруженных примеров может быть соотнесена с контекстами, в которых по данным А.А. Пичхадзе [7], обычно употребляется причастие, а не личная форма глагола. Например, в конструкциях, вводимых союзом *яко*, имеющих значение «как, словно», «в качестве», ср.: **славенъ боудоу црѣ великъ въ еллінѣхъ и варварѣхъ, яко толнка црѣ силна дариа оубивъ** (Александрия 45). Сравним с аналогичным примером из ИЛ:

(13) ПВЛ Л. 90 **прииде же и Дѣдъ по немъ. яко звѣрь оуловилъ** — «Давид пришел, словно зверя поймал/в качестве поймавшего зверя».

Среди причастных конструкций с подчинительными союзами А.А. Пичхадзе выделяет тип контекстов с союзами, означающими «пока не», ср.: **никогже другомъ твори преже даже не испытавъ, како живеть съ предънимъ другомъ** Пчела 62. Сравним с ними следующий контекст из ГЛ:

(14) ГЛ Л. 261 **королевичъ же. и Дыганишь. и Соудиславъ. изнемогахоу глადомъ в градѣ. стоаше же .ѿ. недѣль воюа жда ледоу. дондеже перешлѣ на нѣ** — как и в предыдущем примере, перфектное значение здесь не усматривается и -л- причастие по функционированию соотносится с причастиями на -ѿш / -ѿш-.

В другой группе примеров -л- форма стоит в одном ряду с аористом или имперфектом, к которым она может присоединяться с помощью союза *и*. Если ее трактовать как причастие, то мы получаем абсолютно нормальную для древнерусского синтаксиса конструкцию типа «вставъ (и) рече», подробно разобранную А.А. Потебней [9: 213] (причастие обозначает побочное действие, личная форма — главное). Ср. в ИЛ:

(15) КЛ Л. 190 об. — 191 **Мьстиславъ же прише(а̅) ста по горѣ ѿ бору а пѣщци постави по валови** — появление -л- формы объясняться перфектным значением не может. Усматривать здесь аористную функцию тоже кажется неправильным, т.к. в таком бы случае ожидался союз «и». Употребляется -л- форма, по всей видимости, в классическом причастном значении вместо причастия *пришедь*. Аналогичен и следующий пример:

(16) ПВЛ Л. 66 об. **волъхвъ всталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. глшетъ бо людемъ. и творашеть бо (людемъ) бѣмъ** — если рассматривать форму *всталъ* как причастие, то перед нами абсолютно стандартная синтаксическая конструкция: главное действие выражено имперфектом *глшетъ*, дополнительное — причастием.

(17) КЛ Л. 137 **ре(ч̅) же Улговичъ Сѣославъ къ Гюргеви. брате то намъ ворогъ всимъ Изаславъ брата нашего оубилъ** — перед нами прямая речь. Святослав обсуждает с Юрием, стоит ли оказывать помощь Изяславу, о которой он просит. Святослав говорит, что, несмотря на все уговоры и просьбы, Изяслав останется врагом, т.к. убил его брата Игоря. Цель данного высказывания не в том, чтобы рассказать, что Изяслав убил Игоря, т.к. это собеседникам и так известно, а подчеркнуть, что после этого Изяслав не может быть другом. Поэтому предложение следует понимать, скорее всего, как «Враг нам всем Изяслав, брата нашего убив», а не «Изяслав нам всем враг. Брата нашего убил» (тем бо-

лее что между частями предложения нет причинного союза). Т.о., очень вероятно, что в данном примере *-л-* форма снова функционирует как стандартное причастие.

(18) КЛ Л. 229 об. – 230 и **приде Володимеръ ко королеви. король же понмалъ** [Х.П. **пое(м)**] **Володимера и со всеми полкы пиде к Галичу** очевидно, что перфектного значения *-л-* форма здесь не имеет. Можно было бы наделять *-л-* форму аористным значением, однако примеров употребления *-л-* формы в аористном значении в ИЛ практически нет. В то же время соединение причастия и личной формы глагола с помощью союза «и» абсолютно нормально для древнерусского синтаксиса. Тем более, показательно, что в Хлебниковском и Погодинском списках мы видим «обычное» причастие прошедшего времени — **пое(м)**. Конечно, в такой ситуации трудно сказать, какое чтение является исконным, однако если рассматривать форму **понмалъ** в качестве причастия, а не аориста, то не приходится предполагать разницы в синтаксической структуре в двух списках: во всех случаях перед нами конструкция типа «взяв Владимира, пошел с полками к Галичу»; разница лишь в типе причастного образования.

Об употреблении *-л-* причастий непосредственно в причастном значении писал А.А. Потебня [9: 239–243]. Он отмечает, что такие примеры редки, но тем не менее существуют. Автор пишет о вероятности аппозитивного употребления формы на *-л-* в случаях, где удобно заменить ее нынешним причастием на *-вший, -виший* или деепричастием, ср.: «**милостыни, съв(ъ)купилась (=совокупившись) съ постомъ и молитвою, отъ смерти изба-вляеть человекъ**» (Новг. 1,60).

При этом стоит отметить, что иногда смешение двух причастных образований может объясняться влиянием фонетики. Так, например, совпадением <в> и <л> в [ў] объясняется появление форм типа *всталши* в [5: 232]. Однако примеров, которые бы говорили о совпадении фонем <в> и <л>, в памятнике не наблюдается.

2. Форма

Как уже было сказано выше, глагол-связка при образовании плюсквамперфекта обычно стоял либо в аористе от имперфективной основы, либо в имперфекте. Долгое время плюсквамперфект вида «аорист вспомогательного глагола + причастие» был известен только в старочешском [18]. В статье [10], посвященной происхождению славянского условного наклонения из плюсквамперфекта, было выдвинуто предположение о существовании праславянской плюсквамперфектной формы с *бухъ*. Как считает автор, в таком образовании нет ничего невероятного, и с типологической точки зрения оно совершенно естественно. Позже такие формы были открыты и в древнерусской письменности. При исследовании текста Софийского Пролога (рукопись рубежа XII –

XIII вв.) В.Б. Крысько были обнаружены и проанализированы две формы, омонимичные условному наклонению, но имеющие плюсквамперфектное значение: **Аще бо не оубькнѣ бы былѣ... мнѣло бы са мнозѣмъ, тако привидѣнникъ бы(с̄) и не по истинѣ удѣлѣса бы въ члвѣчьскою плоть** (Если бы [Иисус остался в Вифлееме и] не был бы убит [по приказу Ирода]...казалось бы многим, что Он был привидением и в действительности не облекся в человеческую плоть); **шваче аще креси до конца не ѿвергълѣса бы, нѣ и въ цркъвь приде слоужащю великому Василію, и дары принесе** (Однако, хотя он [император-аринин Валент] и не до конца отказался от ереси, тем не менее и в церковь пошел, когда служил великий Василий, и дары прием) [3: 830–831].

Как кажется, список этих редких примеров можно дополнить несколькими примерами из Ипатьевской летописи:

(19) ПВЛ Л. 78 **ї прокопа(х̄) велми. і влѣзоухъ и видихо(м̄) мощѣ е(г̄) лежащѣ. но съставѣ не распалиста выша. ї власн главнии прѣтаскли блху** — перед нами здесь два однородных плюсквамперфекта в классическом смещенно-перфектном значении. Однако в образовании первой формы вспомогательный глагол стоит в аористе, а не в имперфекте, как во второй форме, и не в аористе от имперфективной основы (два классических способа образования плюсквамперфекта в славянских языках). Стоит отметить, что различений по спискам нет. Кроме того, непонятно, почему в двух совершенно однородных и соседствующих формах используются разные вспомогательные глаголы. Вопрос о семантике вспомогательного глагола не решен и в отношении стандартных форм плюсквамперфекта (с имперфектом и аористом от имперфективной основы). В аористе глагол-связка стоит и в следующем примере:

(20) ГЛ Л. 247 **В лѣ(т̄) .s̄. ѿ. еі. Оубьенѣ бы(с̄) ц(с̄)рь великын Филипъ. Римьскын...но мы на преднее возвратимса. такоже прежде почали выхомъ.**

Плюсквамперфект со связкой в аористе используется еще дважды, правда, в обоих случаях — и в Хлебниковском, и в Погодинском списках — мы видим связку в перфекте:

(21) КЛ Л. 114 **И се слышавъ Всеволодъ, не поусти сѣа своего Стѣслава, ни моужни Новгородьскыхъ, иже то вы [Х.П. был] привелъ к собѣ.**

(22) КЛ Л. 172 **Изаславъ же не хоташе ис Кіева понти. зане оулюбилъ бы [Х.П. был] Кіевъ ему** — с одной стороны, можно предполагать опisku. Правда, тогда непонятно, чем она обусловлена. Тем более, тогда мы имеем дело с «русским» плюсквамперфектом, который не в прямой речи встречается крайне редко. С другой стороны, здесь можно видеть более архаичный вариант

именно со связкой в аористе, который позднее при переписывании кажется уже неправильным и исправляется.

В данном контексте осталось рассмотреть еще один пример:

(23) КЛ Л. 203 об. **Андрѣи же то слышавъ ѿ Мнѣна. и бы(сѣ) въбразъ лица его потоускнѣлъ. и възострѣса на рать** — здесь встает вопрос, нужно ли рассматривать данную форму как плюсквамперфект, ведь в таком случае мы имеем дело со связкой не только в форме аориста, но еще и с аугментом, что тем более нетипично для плюсквамперфекта. Плюсквамперфектным значением сочетание **бысть** + *-л-* причастие в данном примере не обладает: перед нами последовательность событий (Андрей услышал, погрузнел и посмотрел на рать). Скорее всего *-л-* форма выступает здесь в функции «обычного» причастия.

Таким образом, сочетание *-л-* причастия и бытийного глагола в прошедшем времени в ИЛ не всегда имеет стандартные плюсквамперфектные значения предшествования в прошедшем, перфекта в прошедшем и антирезультатива. Были выявлены примеры, в которых компонент предшествования отсутствует. Кроме того, в контекстах типа «*в то же время* + плюсквамперфект», где значения предшествования также нет, часто может употребляться *-л-* причастие без связки. Вполне вероятно, что в таких случаях мы имеем дело не с плюсквамперфектом как таковым, а синтаксическим сочетанием причастия прошедшего времени и бытийного глагола, который может опускаться. Эту мысль подтверждают и другие примеры, в которых *-л-* форма не имеет перфектного значения и, по всей видимости, функционирует в качестве причастия прошедшего времени на *-ъш/-въш-*. Во-первых, это контексты, соотносимые с контекстами, характерными для причастных предикаций. Во-вторых, примеры, где *-л-* форма выступает в классическом для причастий контексте типа «*вставъ (и) рече*».

Кроме того, в ИЛ был обнаружен ряд контекстов с плюсквамперфектом, в которых бытийный глагол стоит не в аористе от имперфективной основы и не в имперфекте, а в аористе и которые подтверждают гипотезу Д.В. Сичинавы о происхождении славянского условного наклонения из плюсквамперфекта. Таким образом, можно дополнить малочисленный список таких редких примеров еще несколькими.

Библиография

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981.
2. Жукова Т.С., Шевелева М.Н. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV-XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении

- с великорусскими (в соавторстве с Т. С. Жуковой) // Вопросы русского языкознания, 2010. Вып. 13. С. 171–191.
3. Крысько В.Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.
 4. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
 5. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.
 6. Петрухин П.В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.
 7. Пичхадзе А.А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библиистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. Спб., 2011. С. 462–480.
 8. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
 9. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
 10. Сичинава Д.В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292–312.
 11. Сичинава Д.В. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.
 12. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.). Л., 1987.
 13. Топоров В.Н. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 35–70.
 14. Шевелева М. Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 199–216.
 15. Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении, 2007. №2. С. 214–252.
 16. Шевелева М. Н. 2008. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2008, № 2 (16). С. 218–246.

17. Шевелева М. Н. Плюсquamперфект в памятниках XV-XVI вв. Русский язык в научном освещении, 2009. 1 (17). С. 5–43.
18. Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grünenthal. Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht, 1928.